

Вячеслав Нарский

Колоскова Лидия Ивановна
(записано с ее слов)

Я родилась 16 января 1924 года в Пятигорске. Потом жила и училась в Майкопе. В июне сорок первого года окончила десять классов. Двадцатого июня у нас был выпускной вечер, а двадцать второго июня началась война. Об этом мы узнали по радио: дома был репродуктор. Сначала выступил Молотов, потом Сталин.

Конечно, мне и в голову не пришло сразу идти на призывной пункт. Никто ведь тогда и не думал, что девочки пойдут воевать. Мальчишек сразу мобилизовали. А потом призывали двух моих старших подружек. Раньше в школу кого с семи лет брали, кого с восьми. Короче говоря, подружки оказались уже восемнадцатилетними. А я начала учиться в Одесском государственном университете, который эвакуировался к нам в Майкоп. Мама не отпускала меня на учебу в другой город.

В начале сентября сорок первого года пришло извещение о смерти моего брата, Александра Ивановича Колоскова. «Похоронка» потрясла меня. Через какое-то время я получила письма от своих подружек из армии. Одна училась на радистку, другая на зенитицу. Их весточки задели за живое. Еще бы! Подруги в армии, готовятся Родину защищать, а я здесь литературу учу.

Я узнала, что при ОСОАВИАХИМе (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству) есть курсы радистов. Бросила университет и стала туда ходить. Три месяца проходила ускоренную подготовку. Когда мне выдали удостоверение об окончании курсов, сразу же пошла в военкомат. Там записали все мои данные и сказали: «Ждите. Будет очередной призыв девушек — вызовем». В конце мая сорок второго года пришли сразу две повестки: одна на рытье окопов, а другая в армию. Я спросила у мамы: «Куда мне идти?» Она ответила: «Служить». Так я отправилась в армию.

На вокзале у меня и у других мобилизованных девочек забрали паспорта. Затем эшелоном отправили в Краснодар и разместили в помеще-

нии начальной школы, так как занятия уже закончились. Там мы и узнали: нас будут учить на почтовых работников. Мы с моей подружкой по курсам Адой Бурматовой не захотели становиться почтальоншами. Возмутились: «Мы радистки, а нас на почту!» Кто-то из местных посоветовал: «Рядом есть воинская часть, может быть, вас туда возьмут».

Мы пошли. Нас встретил лейтенант, которому мы объяснили, в чем дело. А он и говорит: «По радио объявили: завтра в восемь часов утра в помещении цирка представители Черноморского флота будут набирать девушек на всевозможные специальности». Конечно, мы обрадовались! Вернулись, взяли свои вещевые мешки, сказали девочкам, что завтра на Черноморский флот поедем. Хорошо, что мама мне дала адрес папиного сослуживца, который с семьей жил в Краснодаре. Мы к нему и направились. Нас встретили очень хорошо, дали переночевать. Рассказали, как добраться до цирка.

Приехали мы туда к восьми часам. А там все кресла до самого купола заняты девочками. Мы все-таки отыскиали для себя местечко. Приехали офицеры-черноморцы и сказали, где записываться. Подошли, встали в очередь. Девушки паспорта сдают, а мы-то дезертиры. Пришлось признаться, что нас послали в школу почтовой связи, а мы хотим стать радистами. Вот нас и записали. Сразу же посадили в грузовики и привезли в экипаж (это такое военное учреждение, которое распределяет военнотружающих по частям). Там мы прошли медосмотр, нас обмундировали в морскую форму и направили в Анапу.

В Анапе был учебный отряд, в котором готовили радистов. За стеной, отделяющей нашу школу, располагался аэродром. Когда его начали бомбить, отряд тут же эвакуировали в Геленджик. Имущество, аппаратуру — на грузовиках, а личный состав — пешком. Не у всех хватило сил дойти до Геленджика, и мы заночевали прямо под открытым небом. После той ночевки всех девочек посадили на машины и перевезли на новое место службы. Но заниматься не пришлось: так сильно немцы бомбили. Только придем в столовую на завтрак — воздушная тревога. Ну что? По щелям. Потом приспособились: хватали кастрюлю, свои миски и бежали завтракать под деревья. Немцы низко летали! Один фашист пролетел чуть выше деревьев, и мы видели его довольную рожу и грозили ему кулаками, а он смеялся над нами.

Опять отряд нужно было вывозить: Геленджик-то бомбили больше, чем Анапу. Однако немцы не давали возможности подогнать корабли к порту. Очень трудный был момент. Только ложимся спать: «Боевая тревога!» Раз-раз-раз — и надо быть готовым ехать в порт, чтобы погрузиться на судно. Потом отбой. Начинаем засыпать, вновь: «Боевая тревога!» Хорошо, что нас старшина хорошо натренировал: вскакивали и одевались за

две минуты. Однажды ночью в порт прибыли два специальных судна. Нас, радистов, погрузили на сухогруз «Пестель».

Как только корабль отошел от Геленджика, за нами увязался «мессер». Ему навстречу — «ишачок». Над головами шел воздушный бой. Немцу удалось подбить «ястребок», и наш пилот выпрыгнул с парашютом. Сразу раздалась команда: «Шлюпку на воду!» Летчика вытащили.

В Батуми не нашлось места для учебы, и отряд перевезли в Кутаиси. В Кутаиси нас поместили в настоящую военную школу, построенную еще Николаем I. В одном корпусе располагались юноши, а в другом — девчонки. В то время уже шли бои под Сталинградом. Одного нашего преподавателя вскоре направили туда. Он вернулся, когда немцев разгромили.

В конце декабря сорок второго года нас распределили по различным морским частям. Мне достался город Туапсе. Привезли туда тридцать первого декабря и направили в ЭПРОН — экспедицию подводных работ особого назначения, основная задача которой — поднимать затонувшие суда. Почему нас туда отправили, мы так и не поняли. Я возмущалась и спросила начальство: «Почему мы здесь сидим? Мы здесь не нужны как радисты. Пусть нас в другое место pošлют!» Мои слова возымели действие: так я попала в отдельный батальон ВНОС (Войска воздушного наблюдения, оповещения и связи) Черноморского флота, который защищал Туапсе от воздушных налетов. С горы мы видели, как немцы бомбили город: самолеты пикировали один за другим, сбрасывая на жилые кварталы свой смертоносный груз.

Первые недели три мы стажировались в батальоне. Надевали наушники, а к нашей радиостанции подключался старший по смене. Я знала: он исправит, если я что-то поняла неправильно. Ну а потом, освоившись, стали самостоятельно нести вахту.

Моя самостоятельность началась с большого стресса. Однажды в два часа ночи нас сменили на вахте, и мы отправились спать в воинскую часть. А место там гористое, видно далеко. Неожиданно в порту вспыхнуло громадное пламя: подкравшийся к городу немецкий самолет сбросил бомбу, которая угодила в танкер. Пожар был большой. Моя душа ушла в пятки. Я ведь первый раз самостоятельно слушала эфир, старалась, но все-таки «прохлопала» немца. Можете представить, каково мне было? Подумала: «Трибунал». Испугалась. Исключительный был случай. Ждала, что вызовут на «ковер». Но не вызвали ни завтра, ни послезавтра. Оказалось: наш пост, который должен был засечь фашиста, почему-то в ту ночь отключили. На счастье экипажа танкера, всех матросов незадолго до бомбежки отпустили на берег.

Потом все пошло как надо. Наша служба заключалась в том, чтобы поймать донесение передовых постов. Радиogramму принимали минуты две-три. В ней назывался номер поста и сообщалось, какие немецкие самолеты на какой высоте и в каком количестве идут на город. Службу мы несли в громадной штольне, которую обили досками и в которой сделали две комнаты. В одной сидели радисты при своих рациях, а в другой — оперативный дежурный с телефонистами. У телефонистов связь была буквально со всеми: с портом, с зенитчиками, с летчиками. Услышав позывной сигнал — «Воздух» — мы сразу должны были передать его вслух. А между телефонистами и нами — окошечко и столик, на который нужно было положить радиogramму. Там сидел оперативный дежурный. Он и отдавал приказ зенитчикам, летчикам, морякам и городским властям. Зенитки готовились к бою, прожектористы включали свои прожектора, летчики-истребители поднимались в воздух, корабли уходили в море, а в городе начинала звучать воздушная тревога. Мы не должны были пропустить ни одного вражеского самолета.

В Туапсе батальон пробыл до мая сорок четвертого года. После освобождения Севастополя батальон передислоцировался в город славы русских моряков и расположился недалеко от панорамы: как раз на месте четвертого бастиона, о котором писал Л. Н. Толстой. Возле памятника Тотлебену стоял домишко в два этажа. На нижнем этаже сидели мы, радисты, а на верхнем располагалось авиационное командование.

Семь месяцев я прослужила в Севастополе, а потом была переведена в Евпаторию, где и дождалась конца войны.

В День Победы все кричали, стреляли... Не знаю, откуда взяли столько оружия и патронов. Вскоре объявили о демобилизации, и шестого июля сорок пятого года моя служба закончилась.

Когда я вернулась в Майкоп, встал вопрос о работе. Однажды встретила с учителем физкультуры из нашей школы, и он, узнав, что я радистка, посоветовал мне преподавать радиodelo в десятых классах. Школы тогда были разделены на женские и мужские. В женских ввели радиodelo. Я послушалась совета и еще год не расставалась с азбукой Морзе. Моим ученицам нравилось из точек и тире складывать слова, а мне понравилось учить их.

Тогда я и решила стать учительницей. В сорок шестом году поступила в Московский областной педагогический институт на исторический факультет, и уже до пенсии не расставалась со школой.